

КОНСТАНТИН ПОКЛОНСКИЙ И СОБЫТИЯ В МОГИЛЕВЕ
НАКАНУНЕ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1654–1667 г.¹

Могилевский шляхтич Константин Поклонский — одна из ярких фигур первых лет эпохи русско-польской войны 1654–1667 г. Как известно, он был среди тех, кто получил от царя Алексея Михайловича богатые пожалования и должность полковника белорусского, активно способствуя бескровному переходу Могилева и окрестных городов под царскую власть в 1654 г. Однако уже в феврале 1655 г., во время осады Могилева литовскими войсками, он бежал из города, перейдя на сторону противника — литовского великого гетмана Януша Радзивилла. Будучи прощен сеймом Речи Посполитой за прежнюю службу царю, Поклонский, тем не менее, спустя несколько месяцев вместе с Радзивиллом подписал уже Кейданскую унию, на этот раз признавая верховную власть шведского короля, а впоследствии служил в прусском войске. Интерес к его персоне и достаточно короткому периоду политической деятельности не утихает в историографии уже не одно десятилетие (см. краткую биографию К. Поклонского в Польском биографическом словаре: [Rachuba, s. 234–235]). Польский историк О. Латышонец посвятил ему целый раздел своей книги (см.: [Łatyszzonek, s. 191–208]).

Несмотря на различные оценки личности Поклонского, его действия в 1654–1655 г. не раз трактовались исследователями как стремление добиться некоей автономии той части белорусских земель, что были переданы царем под его начало. Уже могилевский историк конца XIX в. Ф. А. Жудро называл его «выразителем народных желаний в Белоруссии» [Жудро, с. 65]. В советское время оценки личности и деятельности Поклонского варьировались от признания заслуг в деле «воссоединения» Белоруссии с Россией [Мелешко, 1988, с. 230–249] до объяснения его последующей измены узкоклассовым эгоизмом (см., например: [Абцедарский, 1954, с. 220]). При этом Д. Л. Похилевич, наиболее основательно исследовавший политику Поклонского, отмечая ее классовый характер, все же признавал белорусского шляхтича выразителем интересов «части белорусской шляхты, высшего духовенства и городского патрициата» (то есть, говоря современным языком, социально-политической элиты), которые заключались в стремлении «создать из Белоруссии подобную Украине автономную единицу в составе Русского государства» [Похилевич, с. 162]. В современной историографии тезис о Поклонском как о носителе белорусского протонационального сознания получил дальнейшее развитие (см.: [Łatyszzonek, s. 225–233], здесь же суммированы рассуждения на данную тему предшествующих исследователей).

Если деятельность К. Поклонского за 1654–1655 г. известна достаточно хорошо благодаря документам, изданным в составе «Актов Южной и Западной России»², то последующий период его жизни представлен уже лишь отдельными эпизодами, а предыдущий и вовсе остается неизученным. В данной статье рассматриваются некоторые новые факты, касающиеся биографии белорусского полковника в период 1650–1653 г., ранее не привлекавшие внимание историков.

На белорусских землях конец 10-х — начало 20-х годов XVII в. ознаменовались заметным натиском на права православных. Для Могилева это обернулось утратой главной святыни города — Спасского собора и существовавшего при нем монастыря, которые были переданы униатам. Православное братство города не оставляло надежд вернуть храм (о борьбе могилевского братства с унией в эти годы см.: [Жудро, с. 33–34]). Такая возможность представилась с началом казацкого восстания на Украине в 1648 г., которое возглавил гетман Богдан Хмельницкий.

¹ Статья по докладу на VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (проект РГНФ № 15-01-14013).

² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией (далее — АЮЗР). СПб., 1889. Т. XIV. (Дополнение к 3 тому).

Череда крупных поражений польских войск заставила короля Яна Казимира пойти на уступки православным Речи Посполитой. В январе 1650 г., после переговоров с делегацией киевского духовенства во главе с митрополитом Сильвестром Косовым, польский монарх издал универсал о восстановлении прав православных и возвращении им ряда храмов и монастырей, в числе которых значились и «церковь святого Спаса, монастыр с приходами» в Могилеве³. Однако положения документа не были выполнены в полном объеме. Православным общинам и духовенству на местах нередко приходилось силой добиваться их воплощения в жизнь [Заборовский, Флоря, с. 179–180]. В литературе высказывалась точка зрения, что Спасский собор Могилева остался за униатами. Однако уже могилевский историк Ф. А. Жудро, не соглашаясь с этим, выражал уверенность, что местному братству во главе с только что назначенным, но еще не посвященным в сан белорусским епископом Иосифом Кононовичем-Горбацким удалось вернуть себе храм уже в 1650 г. [Жудро, с. 63].

Права Ф. А. Жудро подтверждается подробным известием, содержащимся в таком издании, как «Историко-статистическое описание Могилевской епархии». 3 (13) января владыка Иосиф, будучи на сейме в Варшаве, получил от короля привилей на Белорусскую епархию, в котором, что важно, отмечалось его право на Спасский собор и монастырь со всеми ему принадлежащими имениями, в том числе «с перевозом, издавна при церкви Св. Спаса в Могилеве, на реке Днепре находящимся». Фактическое вступление в права владения Иосиф Кононович-Горбацкий поручил своему наместнику Иосифу Половко. Официальная церемония передачи собора с участием судебных чиновников («возных») от униатов православным состоялась 2 (12) мая. В этот день, после того как было окончено богослужение униатского духовенства во главе с игуменом Гервасием Гостиловским, на середину церкви вышел «приятель» Иосифа Кононовича-Горбацкого Константин Поклонский. Он прочел собравшимся привилей Яна Казимира владыке Иосифу о передаче православным Спасского монастыря вместе с имениями, а также всех церквей, расположенных как в Могилеве, так и в селах и деревнях Могилевской экономии. Затем Поклонский зачитал январский королевский универсал о восстановлении прав православия, а также отдельное письмо Яна Казимира королевскому комиссару о передаче православным Спасского собора [Малевиц, с. 66–69]⁴.

Возвращение храма во владение православных явилось для городской общины событием огромной важности. И Поклонский выступает здесь как несомненный лидер местного братства, находящийся к тому же в близких, дружеских отношениях с новым епископом. Это неоспоримо свидетельствует и о его предшествующем активном участии в деятельности Могилевского братства и, вероятно, в избрании епископом владыки Иосифа. Без этого невозможно было бы получение им почетного и ответственного права — публично объявить о возвращении Спасского собора.

Позиция Поклонского как лидера братства подтверждается и другими документами, ранее неизвестными историкам.

Борьба за Спасский собор, как оказалось, не завершилась торжественной церемонией передачи храма. Позиция королевского двора изменилась после того, как казацкие войска потерпели крупное поражение под Берестечком в 1651 г. В июне 1653 г. выехавший в Речь Посполитую подьячий Посольского приказа Григорий Богданов сообщал правительству о визите в Могилев униатского смоленского епископа Андрея Квашнина-Золотого, который «хотел

³ Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1. Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. С. 68.

⁴ Польский историк А. Миранович, использовавший данное издание, не упоминает о деятельности К. Поклонского, ошибочно сообщая о передаче православным Богоявленского монастыря [Mironowicz, s. 85–86], который на самом деле был главной братской обителью начиная с середины 30-х годов XVII в. и никогда не принадлежал униатам [Жудро, с. 52–53].

христианские церкви отдаст униятом». Однако «могилевцы де все собрався, на владыку приходили з болшим шумом и хотели ево убить». Епископу едва удалось спастись от разъяренных горожан («на великую силу ушел»)⁵. Именно с этим визитом униатского владыки, прибегнувшего к защите и покровительству верховной власти, связан, по всей видимости, королевский иск против старших могилевского братства — Вацлава (Константина) Поклонского (упомянут на первом месте), дьякона Спасского монастыря Антония Ласицкого, бурмистра Кузьмы Маркевича⁶, райцы Евсевия Шашкевича.

Если верить вышеупомянутому королевскому иску, было принято решение о возвращении Спасского храма «*pależnemu posesogowiu*» («законному владельцу». Здесь и далее перевод с польского мой. — К. К.), то есть, судя по всему, униатскому духовенству. Сделать это должны были направленные в Могилев королевские комиссары: виленский кустош (управляющий несколькими монастырями, входящими в состав кустодии) Ежи Беллотор и виленский скарбник Ян Владислав Невельский. Могилевское братство отказалось подчиниться указу.

Выше уже упоминалось, что Спасский монастырь перешел во владение православных вместе с принадлежавшим ему недвижимым имуществом, в том числе перевозом через Днепр. Как отмечает В. И. Мелешко, он приносил немалые доходы [Мелешко, 1988, с. 161], и теперь ими, по всей видимости, распоряжалось не только местное духовенство, но и братство. Возможно, в связи с этим по решению властей был построен новый перевоз — паром, который, как утверждалось в иске, должен был обеспечить королевским подданным более быструю и свободную переправу с противоположного берега Днепра. Это вызвало недовольство могилевского братства, активные члены которого «под предлогом богослужения» несколько дней обсуждали возникшую угрозу своим экономическим интересам на собраниях в Спасском соборе. В конце концов было решено уничтожить перевоз. 11 (21) июля 1653 г. несколько сот вооруженных членов братства и мещан во главе с Поклонским и дьяконом Антонием Ласицким напали на перевоз, «*przewoźników gwałtownie łapać, bić, zabijać kazali ktorzy... ledwie z duszą pouchodzili*»⁷ («перевозчиков насильно ловить, бить и убивать приказали, те же... едва души свои спасли»). После этого паром был изрублен на куски топорами и бердышами. Не успокоившись, «бунтовщики» на обратном пути проехали мимо двора королевских комиссаров, насмехаясь и оскорбляя не только их, но и королевскую власть. За все это декретом от 3 (13) октября 1653 г. Поклонский и другие старшины братства были вызваны на ассессорский суд к королевскому двору⁸. Иск был вручен обвиняемым 10 (20) ноября в момент, когда они в очередной раз заседали в Спасском монастыре «у пана Поклонского»⁹.

Росту социальной напряженности в Могилеве и его окрестностях способствовал не только конфликт братства с королевскими властями. К этому добавлялись острые противоречия между администрацией Могилевской экономии и местными сельскими общинами. Свидетельства об этом также сохранились в составе Литовской метрики.

Могилевская экономия являлась королевским владением и крупнейшим имением Восточной Белоруссии (более 6 тыс. волок, или около 130 тыс. га, пахотной земли к началу XVII в., свыше 50 тыс. чел. населения), доходы с которой поступали на содержание двора. В указанное время она полностью находилась под управлением королевской администрации (Могилевского замка), число ее земель, отданных в пожизненное или временное владение шляхте, было относительно небольшим. При этом шляхта обязана была соблюдать «Устав вольностей и повинностей

⁵ Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1. С. 125–126.

⁶ Скорее всего, именно он упоминается как могилевский лавник в 1643 г. (см.: Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1878. Вып. 9. С. 454).

⁷ РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 581. Л. 708.

⁸ Там же. Л. 708–708 об.

⁹ Там же. Л. 708 об.

Могилевской экономии» от 1647 г., не допуская злоупотребления властью. Крестьяне экономии, платившие со своих земель денежный чинш в королевскую казну, почти не имели отработочных повинностей, пользовались значительной хозяйственной свободой, в том числе могли свободно заниматься промыслами, охотой, рыболовством, реализовывать на рынке продукты своего труда, строить и использовать мельницы, уходить на заработки за пределы экономии. По мнению В. И. Мелешко, королевская власть обеспечивала относительную экономическую свободу местных крестьян и не допускала развития здесь барщины и фольварочного хозяйства, в том числе и в связи с окраинным положением экономии, соседствовавшей с областями, где формировалось и действовало украинское казачество [Мелешко, 1964, с. 221–223, 226–229].

Где-то в начале 1653 г. до королевского двора дошли коллективные жалобы могилевских крестьян на местного подстаросту и литовского скарбового писаря Станислава Яна Эжедзинского (Srzedziński). Подстароста обвинялся в масштабных злоупотреблениях, связанных, главным образом, с резким ростом повинностей местных селян вопреки нормам, зафиксированным в «ревизорском уставе» (видимо, иное название королевского «Устава вольностей и повинностей»). Прибыв в Могилев на должность управляющего, он сразу потребовал увеличения связанных с этим традиционных единократных подношений (так называемого заездного). В течение двух лет сверх прежних установлений новый управляющий собирал по золотому с каждой волоки (1 волока — 21,36 га) обрабатываемой земли в честь праздника Пасхи. Помимо полагавшихся ему ежегодно двух возов леса (так называемая древенчина) он заставил могилевских крестьян возить ему дерево для строительства нового двора в Могилеве и еще дополнительно брал на эти нужды с каждой волоки по золотому. Эжедзинский самовольно увеличил собственное годовое содержание (так называемая стація), определив его размер в 12 бочек ржаной муки, 12 телят, 70 баранов, 300 гусей, 600 кур, 60 бочек овса, к которому затем еще дополнительно взимал с каждой волоки 3 курицы, 30 яиц. Некоторые подати подстароста требовал в денежном эквиваленте, самовольно устанавливая цены. Так, вынудив селян поставить ему на двор 30 куф (1 куфа — около 40 ведер) горилки, он заставил их выплатить за каждую четвертую по 6 грошей, хотя, по их мнению, ее рыночная стоимость составляла 4 гроша.

За право трех войтовств — Осовецкого, Брылевского и Бордзиловского — продавать в Быхов сено с принадлежавших могилевскому «замку» сеножатей, которое крестьяне сами косили и вывозили, Эжедзинский стал брать с них по 18 грошей с волоки. Помимо этого, он «гвалтом» заставлял крестьян убирать сено на всех пустошах экономии, а потом выкупать его по литовской копе за воз. Подстароста увеличил содержание двенадцати замковых казаков (сторожей), а также присвоил себе оружие, купленное на собранные с крестьян деньги для служивших в Могилеве гайдуков. Право на винокурение (так называемую аренду) он передал представителям шляхты (надо понимать, не безвозмездно), что заставляло крестьян покупать у них спиртное втроедорога. Наконец, Эжедзинский три из двенадцати могилевских войтовств взял под свое непосредственное управление, а в некоторые другие назначал войтами представителей шляхты вопреки традиционному праву селян самим избирать войта.

Расследование и разбор конфликта были поручены уже упомянутым королевским комиссарам Е. Беллзору и Я. В. Невельскому в марте 1653 г.¹⁰ Они, однако, не спешили с выполнением своей миссии, чем вызвали нарекания Яна Казимира, просившего их ускорить выезд в Могилев, «nie dając do dalszych buntów okazji» («не давая okazji к дальнейшим бунтам»)¹¹. Последнее замечание короля свидетельствует о том, что обстановка в экономии накалялась, а недовольство принимало все более открытый характер.

Это косвенно подтверждал и Эжедзинский, который, узнав о начатом расследовании его злоупотреблений, не сидел сложа руки. Он подал встречный иск против брылевского войта,

¹⁰ Там же. Л. 699–700.

¹¹ Там же. Л. 712.

некоего Свичевича, обвиняя его в «непослушании» законной власти и организации бунта в своем войтовстве. Подстароста просил комиссаров принять меры для воспрепятствования дальнейшему разрастанию «хлопского своевольства»¹². Позднее он лично выехал к королевскому двору, чтобы добиться оправдания. К этому времени Ян Казимир назначил нового эконома — литовского кухмистра Миколая Петровского, поручив ему и разбор дела. Беллзор и Невельский были отозваны из Могилева. В уведомлявших их об этом королевских письмах (датированы октябрём 1653 г.) отмечалось, тем не менее, что могилевские крестьяне жаловались «nie tak z potrzeby swej jako z czyjejkolwiek perswazji» («не столько из-за собственных нужд, сколько по чьему-то наущению»)¹³. Как будет показано далее, конфликт продолжился, уже между Поклонским и его сторонниками, с одной стороны, и Петровским — с другой.

Я. С. Зжедзинский больше не вернулся в Могилев. В октябре 1654 г. поместье из девяти деревень («Вербижская держава»), принадлежавшее бывшему подстаросте, который «государю изменил, отъехал в Полскую землю», получил сподвижник Поклонского, могилевский войт Николай Гелда¹⁴. Могилевский двор Зжедзинского был пожалован самому белорусскому полковнику¹⁵.

Политика польских властей в течение весны — осени 1653 г. не только не способствовала умиротворению конфликта в Могилевщине, но, наоборот, провоцировала его дальнейшее разрастание. Общее отношение к этому вопросу правительственных и магнатских кругов, помимо непоследовательных шагов королевского двора и медлительности комиссаров, характеризовала и позиция гетмана Я. Радзивилла. Узнав о выезде в Могилев Беллзора и Невельского, он направил им в сентябре послание, жалуясь, что литовское войско, находясь «w zniszczonym i spustoszalym kraju» («в разоренном и опустошенном крае»), страдает от недостатка провианта. Гетман просил комиссаров заставить могилевских купцов и мещан ехать в военный лагерь под Речицу с продуктами и другими необходимыми товарами, подчеркивая, что это чуть ли не единственный шанс спасти войско от полного упадка¹⁶.

Обстановка в регионе вызывала тревогу местной шляхты. Мстиславский староста Кшиштоф Чехановецкий от имени собравшейся на сеймик шляхетской братии в начале июня 1653 г. писал комиссарам о необходимости своевременно предотвратить опасность, угрожающую «пограничному повету и воеводству»¹⁷. Он не конкретизировал суть приближавшейся беды, однако акцент на пограничном положении региона как бы намекал на возможность вмешательства России или украинского казачества в потенциальный гражданский конфликт.

К концу 1653 г. в Могилеве и его окрестностях сложилась тревожная ситуация. В некоторых войтовствах экономии вспыхивали либо назревали бунты, городская община в лице православного братства и вовсе вступила в открытый конфликт с королевскими властями. Даже если подстрекателями селян, на которых намекало королевское письмо, не являлись Поклонский и его сподвижники и оба конфликта не были, таким образом, связаны, само по себе обострение обстановки в городе и «на волости» увеличивало шансы потенциального социального взрыва во всем регионе.

Стоит отметить, что подобная ситуация не была исключением в рассматриваемое время. Так, например, масштабными злоупотреблениями, незаконными поборами и вымогательствами

¹² Там же. Л. 707.

¹³ Там же. Л. 701, 714–714 об. М. Петровский оставался в Могилеве до сентября 1654 г., пытаясь организовать оборону города от русских войск. После мирной сдачи Могилева выехал на запад «за рубеж» (см.: АЮЗР. Т. XIV. Стб. 197 (ошибочно назван «урядником корошевским», должно быть: «королевским»), 215–216, 227–228, 374–375).

¹⁴ АЮЗР. Т. XIV. Стб. 449–450, 459–462. Здесь Ян Станислав Зжедзинский именуется сначала «Яном Срединским», а затем «Станиславом Срединским», однако несомненно, что это одно и то же лицо.

¹⁵ Там же. Стб. 659.

¹⁶ РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 581. Л. 705.

¹⁷ Там же. Л. 703.

отметился подстароста небольшого белорусского городка Копыси. В феврале 1654 г. он покинул его с награбленным добром, а запоздалые попытки привлечь его к ответственности не дали результатов. Местечко, принадлежавшее Радзивиллам, располагалось, так же как и Могилев, на верхнем Днепре (Витебское воеводство). В августе 1654 г. его жители без боя сдали город русским войскам. Как отмечает польский исследователь К. Коссажецкий, немалую роль в этом сыграло резкое недовольство мещан существующей властью [Kossarzecki, s. 132].

Правящие круги шляхетской республики, как представляется, не отдавали себе отчет в потенциале общественного недовольства населения Восточной Белоруссии. Даже понимание опасности представителями господствующего сословия на местах (такими, как мстиславская шляхта) вряд ли могло помочь ее предотвращению, поскольку предполагало серьезные меры по удовлетворению религиозных требований и социально-экономических нужд достаточно крупных групп населения, в том числе Могилевщины, на которые шляхетская республика была не способна пойти в силу известных особенностей своего социально-политического устройства.

Во второй половине 1653 г. в Восточной Белоруссии побывал вяземский купец С. Колужка. Он прожил 17 недель в Могилеве, в конце осени — начале зимы приехал в расположенный неподалеку, под Головчином, лагерь литовского войска. По свидетельству купца, Я. Радзивилл запретил войскам постой в Могилеве и его окрестностях, будучи, по всей видимости, осведомлен о взрывоопасной обстановке в регионе. Помимо Могилева, Колужка побывал в соседних Шклове и Копыси, сообщив в Москве в январе 1654 г., что «в тех де городех всяких чинов люди говорят: как государевы ратные люди на Польшу и на Литву наступят, и они под государеву руку готовы, а стоять против государевых людей не станут»¹⁸.

В начале января 1654 г. в ходе переговоров о переходе Украины под царскую власть генеральный писарь Войска Запорожского Иван Выговский заявил русскому представителю боярину В. В. Бутурлину о доходящих до него слухах, что «в литовских городех, в Могилеве и в-ыных городех, всякие люди благочестивые веры желают быти под высокою рукою великого государя», причем в Могилеве есть «повинной» писарю «благочестивые веры» шляхтич Поклонский, с которым он поддерживает контакты. Что означает в данном случае термин «повинной»? Скорее всего, перед нами калька со старопольского слова «rowienny» — свойственник. То есть Выговский и Поклонский были связаны узами семейного родства путем брака каких-то родственников.

По совету Бутурлина Выговский обещал писать к нему, что царь готов принять их под свою власть¹⁹. Как стало известно летом 1654 г., К. Поклонский, «что служил покойному владыке (то есть Иосифу Кононовичу-Горбацкому, который умер в 1653 г. — К. К.), учиня мятеж в Могилеве, тотчас убежал и на Поповой Горе людей збирает»²⁰. Попова Гора располагалась на территории Стародубского казацкого полка, то есть находилась под властью казацкого гетмана Б. Хмельницкого. По всей видимости, будущий белорусский полковник, получив обещания поддержки от Выговского, бежал из города, решив перейти к активным действиям, тем более что на рубеже мая—июня 1654 г. русские войска вторглись на территорию Великого княжества Литовского. Началась русско-польская война 1654—1667 г.

Эти события привели к изменению позиции литовских властей в отношении Поклонского. Послания ему направили управляющий могилевским «замком» М. Петровский и гетман Я. Радзивилл. Первый вопрошал в своем «листе»: «Милостивый пане Поклонский, сие ли неотдание до твоей милости моего милостивого пана делает листа или особное ко мне неприятство,

¹⁸ Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570—1667 гг.). Минск, 1963. С. 288—290.

¹⁹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1954. Т. III. 1651—1654 годы. С. 474—475.

²⁰ Симон Ожарский — мстиславскому подсудку. 28 июня 1654 г. Кричев (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 14). На документ обратил внимание Л. С. Абецедарский [Абецедарский, 1978, с. 156].

что на посланное до твоей милости письмо ни единого не могу имети ответа?» Он, как и ранее, призывал могилевского шляхтича, чтобы тот «от таковых, которыми гнушаются, отстал замыслов и лутче милой отчины, как ея прироженец, по силе своей пособствовал». Петровский просил своего противника, «не розсматривая на зачатие между нами дела правные... матери отчине с нами купно услужити верно». Убеждать Поклонского более пространными доводами должен был поехавший к нему с письмом посланец могилевского управляющего²¹.

Я. Радзивилл сообщал, что ему известно о конфликте гетманского «слуги» (видимо, М. Петровского) и Поклонского, а также о попытках последнего возмутить могилевцев против нового «эконома» («отчины подданных волнуешь и различных себе повелеваешь своеволий»). «Меня как пана своего временного имеешь заступника», — писал литовский гетман, уверяя, что Поклонскому следовало донести ему о своих проблемах. По-видимому, он намекал и на какую-то прошлую службу Поклонского под своим началом. «А я, как ни единого от слуг моих не отступил, так и тебе подлинно бы не отступил, — заявлял магнат. — И то не слыхано, чтоб имели изменники чинитися из слуг радзивилловских». Гетман приказывал Поклонскому «тотчас» прибыть к нему, дав слово, «что и волос з головы твоей не спадет»²².

А. Л. Абецдарский, обнаружив в архиве текст вышеприведенного послания, обратил внимание на не совсем ясное упоминание в нем о судебном деле между Поклонским и «ксендзом Беллозором» как о причине перехода первого на русскую сторону. Он истолковал его как частный конфликт, полагая в целом, что Поклонский не имел значительного авторитета в среде могилевских мещан [Абецдарский, 1978, с. 156–157]. Однако приведенные выше документы Литовской метрики и другие источники опровергают это суждение.

Уговоры Петровского и Радзивилла запоздали. Еще в июле 1654 г. Поклонский предстал перед царем Алексеем Михайловичем, получив милостивый прием и жалованье. Теперь мы знаем, что за этим эпизодом, с которого ранее историки, как правило, начинали излагать биографию Поклонского, стояла активная деятельность будущего белорусского полковника как лидера могилевского православного братства, одного из приближенных белорусского епископа Иосифа Кононовича-Горбацкого.

Не исключено, что Поклонский обратился к Выговскому за поддержкой в связи с вспыхнувшим в 1653 г. конфликтом братчиков с королевскими властями. Не случайно, как представляется, и упоминание Могилева (единственный названный «литовский» город) в речах писаря казацкого войска. Доходившие из сообщений Поклонского и других источников известия о недовольстве различных социальных групп региона сложившимся положением позволяли украинским политикам надеяться на лояльное отношение к возможному появлению там русских войск или казацких отрядов. Эти расчеты в целом оправдались уже несколько месяцев спустя, вскоре после начала русско-польского вооруженного конфликта.

Литература

Абецдарский Л. С. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII века // Воссоединение Украины с Россией. 1654–1954. Сборник статей. М., 1954. С. 178–222.

Абецдарский Л. С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI – XVII вв. Минск, 1978.

Жудро Ф. А. История Могилевского Богоявленского братства. Могилев-на-Днепре, 1890.

Заборовский Л. В., Флоря Б. Н. Народно-освободительная война украинского народа и отношения католической, униатской и православной церквей в Восточной Европе в середине XVII в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. М., 1999. Ч. II. Брестская уния 1596 г.: Исторические последствия события. С. 175–188.

²¹ М. Петровский — К. Поклонскому. 2 августа 1654 г. Могилев (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 59).

²² Я. Радзивилл — К. Поклонскому. 11 августа 1654 г. «Под Головчином» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 60).

- Малевиц А. Иосиф Кононович-Горбацкий, третий епископ Могилевский (1650–1653 г.) // Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. Могилев-на-Днепре, 1908. Т. I. Вып. 2. Ч. I. С. 63–84.
- Мелешко В. И. О феодальной ренте и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономах Восточной Белоруссии в конце XVI – XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 221–230.
- Мелешко В. И. Могилев в XVI – середине XVII в. Минск, 1988.
- Похилевич Д. Л. Белорусское казачество // Наукові записки Львівського державного університету імені Івана Франка. Львів, 1957. Т. XLIII. Серія історична. Питання історії СРСР. Вип. 6. С. 145–172.
- Kossarzecki K. Forteca w Kopysi nad Dnieprem w latach wojny Rzeczypospolitej z Moskwą 1654–1667 // Studia z dziejów wojskowości. Białystok, 2012. T. I. S. 115–154.
- Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006.
- Mironowicz A. Diecezja Białoruska w XVII i XVIII wieku. Białystok, 2008.
- Rachuba A. Pokłoński (Wodzigir-Pokłoński) Konstanty Waclaw // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982. T. XXVII. S. 234–235.